

УДК 343

ОСМОТР И ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ КАК СПОСОБЫ ПОЗНАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

INSPECTION AND EXAMINATION THE DOCUMENTS THE WAYS TO KNOW THE CIRCUMSTANCES OF THE CRIMINAL CASE

С. Б. РОССИНСКИЙ (S. B. ROSSINSKIY)

Рассматриваются теоретические и практические проблемы разграничения следственного (судебного) осмотра и исследования документов в уголовном судопроизводстве. С учетом наглядно-образного (невербального) характера следственного или судебного осмотра делается вывод, что исследование документа, представляющее собой вербальный способ познания, – это не часть осмотра, а следующий, самостоятельный этап познавательной деятельности.

Ключевые слова: исследование доказательств; исследование документов; невербальный способ познания; осмотр документов; следственный осмотр; судебный осмотр.

This article discusses the theoretical and practical problems of differentiation investigative (judicial) inspection and examination of documents in criminal proceedings. Taking into account the visual-shaped (non-verbal) the nature of investigative or judicial examination the author concludes that the study of the document, which is a verbal way of knowing – is not the part of the inspection, but the next, independent stage of cognitive activity.

Key words: examination of evidence; research documents; non-verbal way of knowing; inspection of documents; investigation inspection; judicial inspection.

Осмотр документов в уголовном судопроизводстве представляет собой весьма распространенное следственное (судебное) действие, имеющее важное значение для потребностей правоприменительной практики. В уголовном процессе существует тесная и устойчивая связь между документами и результатами их следственного осмотра. Возможность проведения осмотра документов в досудебном производстве регламентирована ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 176 УПК РФ; в части судебного производства данная процедура прямо не предусмотрена, но тем не менее широко применяется на практике в режиме правовой аналогии.

Следственному или судебному осмотру в принципе могут быть подвергнуты любые документы, имеющиеся в материалах уголовного дела или представленные сторонами, независимо от формы фиксации соответствующей информации. Иными словами, следователь, дознаватель или суд вправе осмотреть как документы, выполненные «невер-

бальным» способом (фото-, видеодокументы и т. д.), так и документы в их классическом понимании, т. е. выражающие человеческие мысли в виде знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка. При этом следственный осмотр фото-, видео- и иных подобных документов полностью вписывается в предложенную нами концепцию «невербальных» следственных и судебных действий [1]. Осматривая такие документы, например, видеозапись камеры наружного наблюдения, субъект процессуального познания, используя свое наглядно-образное мышление, зрительно воспринимает определенные фрагменты объективной действительности и на этой основе получает соответствующий результат. Впоследствии данный результат посредством зрительного представления способствует формированию мысленного образа воспринятых материальных объектов. И лишь затем дознаватель или следователь, используя рациональное мышление, как бы переводят мысленный образ

в форму словесного описания, фиксируя все увиденные фрагменты объективной реальности в протоколе.

Гораздо более сложной нам видится гносеологическая сущность следственного осмотра «классических» (письменных) либо других вербальных документов, содержащих информацию в виде знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка. В отличие от фото-, видео- и других наглядно-образных документов, осмотр письменных или иных условно-знаковых фрагментов, на первый взгляд, как бы не вписывается в предложенную нами концепцию «невербальных» следственных и судебных действий, чем создает серьезную опасность для её существования. Но так ли это на самом деле? Для ответа на данный вопрос представляется необходимым более глубоко и детально исследовать сущность осмотра письменных или иных документов, предполагающих языковую или иную условно-знаковую форму подачи информации.

Уголовно-процессуальный закон регламентирует, что осмотр документов, как и любой другой следственный осмотр, производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 УПК РФ). Однако подобный подход является слишком широким и в принципе применим не только к осмотру, но и к любому другому процессуальному действию, направленному на собирание доказательств. Анализ специальной литературы по уголовному процессу и криминалистике показывает, что в науке предпринимались неоднократные попытки определения сущности следственного осмотра. Так, М. С. Строгович указывал, что осмотром является процессуальное действие, состоящее в обнаружении и закреплении признаков и состояния различных предметов для установления обстоятельств, имеющих значение для дела [2]. В свою очередь, В. П. Колмаков определял осмотр как процессуальное действие по непосредственному восприятию, исследованию, оценке и фиксации состояния, свойств и признаков материальных объектов с целью выявления фактических данных (доказательств) и выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу [3]. Похожую позицию занимали

Р. С. Белкин и Е. М. Лившиц, которые писали, что следственный осмотр представляет собой непосредственное обнаружение и исследование объектов, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения [4]. В. А. Семенцов указывает, что осмотр – это следственное действие, при проведении которого следователь с участием указанных в законе лиц изучает, фиксирует, а при необходимости изымает различные материальные объекты, связанные с расследуемым преступлением, в целях обнаружения его следов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [5]. С. А. Шейфер отмечает, что осмотр проводится в целях обнаружения следов преступления, иной, выраженной в физических признаках информации, имеющей значение для дела [6]. В научной и учебной литературе существует и множество других, но вместе с тем близких точек зрения относительно сущности следственного осмотра в системе средств уголовно-процессуального познания. Однако, на наш взгляд, наиболее удачная и развернутая дефиниция осмотра сформулирована в работах О. Я. Баева, понимающего под ним следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии и изучении любых объектов в целях исследования обстоятельств деяния, фиксации и изъятия предметов, документов, веществ и следов, которые имеют или могут иметь значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела [7].

В целом не отвергая ни одну из существующих позиций по рассматриваемой проблеме, позволим себе заключить, что следственный осмотр как бы направлен на решение двух самостоятельных, но в то же время взаимосвязанных задач: а) на непосредственное восприятие (иногда изучение или исследование) дознавателем, следователем фрагментов объективной реальности; б) на фиксацию данных фрагментов в соответствующем протоколе (иногда на их изъятие для приобщения к материалам уголовного дела). При этом сам по себе осмотр не предполагает логический анализ воспринятой информации, а сводится лишь к её констатации. В. М. Николайчик писал, что протокол должен содержать лишь очевидные и бесспорные для участников осмотра особенности осматриваемого объекта

[8]. С. А. Шейфер, ссылаясь на ч. 2 ст. 180 УПК РФ, справедливо отмечает, что в протоколе осмотра излагаются только наблюдавшиеся следователем обстоятельства. А предположения и выводы следователя относительно механизма образования следов, последовательности действий преступника и т. д., которые неминуемо возникают в ходе осмотра, в протоколе не излагаются [9]. В этой связи также необходимо вспомнить позицию Р. С. Белкина и Е. М. Лившица, что логическое мышление используется не во время непосредственного производства следственного осмотра, а уже позднее – при обработке его результатов в целях выявления их связей как с самим расследуемым событием, так и с другими фактическими данными, собранными по делу [10].

Полагаем, что всё вышесказанное в полной мере относится и к осмотру письменных (других условно-знаковых) документов как к типичной разновидности данного следственного действия. Осматривая такой документ, дознаватель или следователь воспринимают его не как форму подачи определенных вербальных сведений, не как интеллектуальный продукт, а в первую очередь как материальный объект, имеющий свои физические признаки и необходимые реквизиты. Как указывает Л. А. Иванов, при осмотре документа внимание обращается на его название, формат, размеры, реквизиты, их содержание, штампы, подписи, состояние бумаги, её цвет, складки, разрывы, пятна и т. д. [11]. Но даже осматривая исключительно вербальные части документа, например, рукописный или печатный текст, субъект процессуального познания не формирует в своем сознании мысленных образов, вытекающих из его содержания. Он лишь констатирует факт наличия в документе определенных слов, фраз и тому подобных объектов, не вникая в их смысл.

Осмысленное изучение данных вербальных объектов, осуществляемое посредством рационального мышления и завершающееся формированием полноценных мысленных образов, – это уже следующий этап работы либо с самим документом, либо с протоколом его осмотра. В. П. Власов называл такую деятельность «предварительным исследованием» документа. Он писал, что в следственной практике «предварительное

исследование» очень часто путают с осмотром, называя одно другим, например, пишут или говорят: «Следователь, осмотрев документы, пришел к выводу о том, что...». Фактически же в данном случае был проведен не осмотр как процессуальное действие, а именно «предварительное исследование». Автор абсолютно правильно полагал, что причина данной ошибки заключается в том, что в обиходе и в научных исследованиях осмотром называются вообще всякие, основанные на наблюдении, т. е. специальном зрительном восприятии, приемы или методы изучения чего-либо, ознакомления с чем-либо. Однако между ними имеются существенные различия в процессуальной природе и значении в ходе расследования уголовных дел [12]. Подобное исследование документов В. П. Власов именовал «предварительным», поскольку он считал, что эта деятельность обычно предваряет какое-либо процессуальное действие: осмотр, назначение экспертизы, обыск, допрос и др. [13]. Но, на наш взгляд, это не совсем так. Ознакомление субъекта уголовно-процессуального познания с содержанием документа не нужно связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием. Оно вполне может иметь место и само по себе, особенно когда документ непосредственно содержит сведения, имеющие значение для уголовного дела. Примерами в данном случае могут послужить ознакомление следователя с истребованной копией приговора, подтверждающего факт прежней судимости, или с представленной защитником положительной характеристикой обвиняемого.

Поэтому мы предлагаем именовать такое действие не предварительным исследованием, а просто исследованием. Подобное исследование документа является не чем иным, как разновидностью общего гносеологического механизма исследования доказательств, составляющего один из важнейших элементов всего уголовно-процессуального познания и доказывания. Анализируя вопросы исследования доказательств, Р. С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) – это познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказа-

тельств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами [14]. В свою очередь, В. П. Василенко писал, что исследование доказательств – это своеобразный процесс извлечения информации, содержащейся в доказательствах, и её осмысливание применительно к задачам уголовного судопроизводства. Он же указывал, что исследование является частью процесса доказывания по уголовному делу [15]. Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают А. А. Давлетов [16], В. А. Азаров и И. Ю. Таричко [17], А. В. Кудрявцева [18] и некоторые другие авторы. Хотя для справедливости необходимо обратить внимание, что некоторые ученые вкладывают в категорию «исследование доказательств» слишком узкий смысл, олицетворяя его с познанием, проводимым лишь посредством специальных криминалистических средств и методов [19]. Следует согласиться с предложением Н. И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламентирующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование [20]. Кстати, подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 127 нового УПК Казахстана называется «Исследование доказательств». Она предполагает, что собранные по делу доказательства подлежат всестороннему и объективному исследованию, включающему анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собирание дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств.

Представляется, что исследование доказательств – это такой же необходимый атрибут познавательной деятельности, как их собирание (формирование) и проверка. В противном случае суд фактически теряет свою самостоятельность как субъект доказывания и превращается в некоего «оформителя» результатов досудебного производства, подобно тому, как это достаточно часто происходит в современной правоприменительной практике. И именно поэтому признаком судебных действий мы считаем не направленность на собирание (формирование) доказательств, а их познавательный характер, их устремлен-

ность к установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В отличие от осмотра документа, его исследование имеет явно вербальный характер, поскольку предполагает использование рационального мышления и формирование мысленных образов тех сведений, которые запечатлены в его содержании. При этом необходимо обратить внимание, что помимо «иных» документов исследованию подлежат любые материалы уголовного дела, требующие восприятия дознавателем, следователем или судом, в частности заключения экспертов и специалистов и протоколы ранее произведенных следственных действий. Объектом исследования в конечном счете может стать и сам протокол осмотра письменного или иного вербального документа. Однако этот процесс представляется актуальным лишь в тех случаях, когда непосредственное исследование самого документа невозможно, затруднительно или нецелесообразно. В противных ситуациях дознаватель, следователь или суд должен стремиться исследовать сам документ, а не протокол его осмотра, поскольку в контексте рассмотренных нами ранее закономерностей «невербального» способа процессуального познания последний содержит не сами обстоятельства объективной реальности, а их мысленные образы, запечатленные в сознании его автора. Тем не менее с учетом вербального характера воспринимаемых сведений их возможные искажения в протоколах осмотров не представляются существенными. Поэтому в ряде практических ситуаций подмена непосредственного исследования самого документа его осмотром и последующим исследованием соответствующего протокола, на наш взгляд, вполне оправданна. Например, следователь, предварительно осмотрев с участием специалиста аудиодокумент – запись разговора обвиняемого с потерпевшим, в дальнейшем получает возможность уже самостоятельно исследовать протокол, содержащий письменную расшифровку этого разговора. После осмотра электронного документа – sms-сообщения из сотового телефона обвиняемого проводится исследование протокола, содержащего письменную распечатку данного сообщения, и т. д.

Однако особое внимание в этой связи необходимо обратить на возможность осмот-

ра документа с последующим исследованием соответствующего протокола в тех случаях, когда непосредственное приобщение данного документа к материалам уголовного является нецелесообразным. Так, ещё в учебном пособии по следственному осмотру, вышедшему в свет в 1957 г., был приведен интересный пример. По делу об убийстве гражданина Борисова обвиняемый заявил, что в то время, когда совершалось преступление, он был в кинотеатре, назвав фильм, который смотрел. Следователь осмотрел учетные документы кинотеатра и установил, что в тот день на данном сеансе шла совершенно другая кинокартина [21]. Очевидно, что в описанной ситуации следователю не было никакой необходимости изымать из кинотеатра для приобщения к уголовному делу весь массив учетных документов, поскольку, с одной стороны, это слишком увеличило бы объем уголовного дела, а с другой – внесло определенные затруднения в работу сотрудников кинотеатра. Поэтому, ограничившись лишь осмотром учетных документов с последующим исследованием соответствующего протокола, следователь поступил весьма благоразумно.

Вместе с тем наибольшую актуальность данная практическая конструкция приобрела именно в современных условиях, характеризующихся сложными и многоэпизодными уголовными делами об экономических преступлениях. Как известно, объемы таких уголовных дел нередко исчисляются десятками томов, причем большую долю их материалов составляют различные документы. В результате формирования рыночных отношений и вхождения России в мировое экономическое пространство в уголовных делах появляются многие документы, ранее вообще не известные следственной и судебной практике [22]. Например, одно уголовное дело, законченное производством в Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, состояло из 87 томов. При этом 62 тома составляли различные документы, большей частью уставы нескольких десятков фигурирующих в деле коммерческих организаций. Каждый такой устав, включавший в себя не менее 25–30 страниц текста, по существу представлял интерес для уголовного дела лишь в части некоторых полномочий генерального директора, прописанных всего

на нескольких строчках [23]. Анализ следственной практики позволяет констатировать множество подобных случаев. Причем безразборному изъятию для приобщения к материалам уголовного дела подвергаются документы самой различной природы: технические регламенты, проектная документация, банковские, финансовые документы и т. д. Указанные ситуации, безусловно, обременяют как предварительное расследование, так и последующее судебное разбирательство. Более того, в ряде случаев изъятие различных документов для их приобщения к материалам уголовного дела существенно затрудняет работу соответствующих предприятий, учреждений, организаций.

В этой связи может иметь место адресованная органам дознания и предварительного следствия практическая рекомендация, заключающаяся в проведении предварительного следственного осмотра документов, имеющих значение для уголовного дела, но которые вместе с тем имеют большой объем или необходимы для функционирования различных субъектов хозяйственной деятельности или изъятие которых невозможно (затруднительно или нецелесообразно) по иным причинам. В результате проведения осмотра дознаватель или следователь получают возможность не приобщать документ к материалам уголовного дела в полном объеме, а ограничиться выборочной фиксацией в протоколе лишь тех его фрагментов, которые представляют определенный интерес. Как совершенно справедливо отмечали Р. С. Белкин и Е. М. Лившиц, тем самым следователь сможет избежать приобщения к делу значительных по объему документов, например, книг бухгалтерского учета, если доказательственное значение имеет только одна какая-то запись [24]. При этом сами документы должны оставаться по месту их постоянного хранения (в государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и т. д.), а в случае необходимости они вполне могут быть истребованы судом для исследования в полном объеме. Мы полагаем, что выполнение подобной рекомендации существенным образом скажется на качестве расследования, упростит ориентирование в уголовном деле, сократит сроки ознакомления обвиняемых с его материалами, а в последующем судебном

разбирательстве – отразится на реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Говоря о следственном осмотре и исследовании «иных» документов, также необходимо обратить внимание, что эти два познавательных действия совсем не обязательно осуществляются в отрыве друг от друга. Нет никаких оснований утверждать, что исследование документа проводится лишь после его осмотра и составления соответствующего протокола. Представляется, что они вполне могут быть объединены в одну общую познавательную конструкцию. Осматривая какой-либо документ, следователь имеет полноценную возможность одновременно проводить его исследование, воспринимая вербальным способом изложенные в нем сведения. Разграничение осмотра и исследования «иных» документов заключается не в последовательности проведения, а в самой их сущности, т. е. в используемых методах познания. Осмотр остается «невербальным» следственным действием, основанном на закономерностях наглядно-образного восприятия. А исследование «иного» документа, наоборот, зиждется на вербальном способе познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кроме того, осмотр имеет четко выраженный уголовно-процессуальный характер, строго определенную процессуальную форму. Вместе с тем для исследования «иных» документов в части досудебного производства законодатель никакой процессуальной формы не регламентирует. Кстати, в этой связи можно было бы поставить перед собой такую цель и предложить ввести в систему уголовного процесса ещё одно новое следственное действие – исследование документов, а также разработать процессуальные механизмы его осуществления. Но так ли уж это необходимо? Думается, что нет. Ведь исследование документа в досудебном производстве представляет собой процесс восприятия следователем или дознавателем сведений, запечатленных в данном документе, обуславливающий формирование в его сознании соответствующего мысленного образа. Оно протекает исключительно на основе гносеологических и психофизиологических закономерностей и не нуждается ни в каких правовых гарантиях, требующих про-

ведения некой юридической процедуры. Доказательственное значение при этом будет иметь сам «иной» документ, а не результат его исследования. Поэтому наиболее разумным в данной ситуации, на наш взгляд, является сохранение для исследования «иных» документов в досудебном производстве свободной формы, именно так, как это происходит в настоящее время.

Что же касается судебного производства, то там исследование документов приобретает более формальный характер. Это связано с тем, что суд, в отличие от следователя или дознавателя, знакомится с материалами уголовного дела уже не единолично, а совместно со сторонами и иными лицами, присутствующими в зале судебного заседания. В условиях устности и гласности судебного разбирательства исследование судом «иных» документов протекает в форме их оглашения, предусмотренного ст. 285 УПК РФ.

1. Под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного гнозиса, т. е. мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Подробнее об этом см.: *Россинский С. Б.* К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // *Российский криминологический взгляд*. – 2013. – № 3. – С. 360–361; *Его же.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 58–62. Вместе с тем с учетом многообразия толкований термина «невербальный» мы используем его в данном контексте с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берем его в кавычки.
2. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. – Т. 2. – М.: Наука, 1970. – С. 122.
3. *Колмаков В. П.* Следственный осмотр. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 18.
4. *Белкин Р. С., Лившиц Е. М.* Тактика следственных действий. – М.: Новый Юрист, 1997. – С. 44.
5. *Семенцов В. А.* Следственные действия: учеб. пособие. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – С. 38.
6. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказа-

- тественное значение. – М. : Юрлитинформ, 2004. – С. 49.
7. *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2012. – С. 103.
8. *Николайчик В. М.* Следственный осмотр вещественных доказательств. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1968. – С. 58.
9. *Шейфер С. А.* Указ. соч. – С. 59.
10. *Белкин Р. С., Ливищ Е. М.* Указ. соч. – С. 44.
11. *Иванов Л. А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. – Саратов : Саратовский университет, 1993. – С. 141. Об этом также см.: *Ефимичев С. П., Кулагин Н. И., Ямпольский А. Е.* Следственный осмотр : учеб. пособие. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983. – С. 9.
12. *Власов В. П.* Следственный осмотр и предварительное исследование документов. – М. : Госюриздат, 1961. – С. 12.
13. Там же.
14. *Белкин Р. С.* Собираение, исследование и оценка доказательств. – М. : Наука, 1966. – С. 48 ; *Его же.* Курс криминалистики. – Т. 1. – М. : Юрист, 1997. – С. 136 ; *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. – М. : Юрид. лит., 1969. – С. 195.
15. *Василенко В. П.* Исследование доказательств на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Академия МВД СССР, 1978. – С. 8–9.
16. *Давлетов А. А.* Основы уголовно-процессуального познания. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1997. – С. 178.
17. *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. – Омск : Омский госуниверситет, 2004. – С. 192, 194.
18. *Кудрявцева А. В.* Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 2. – С. 67.
19. См., напр.: *Самыгин Л. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1989. – С. 83.
20. *Газетдинов Н. И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства. – М. : Юрист, 2007. – С. 367.
21. *Винберг А. И., Миньковский Г. М., Толмачев Е. Ф., Трусов А. Е.* Следственный осмотр : учеб. пособие / под. общ. ред. М. В. Барсукова. – М. : ВШ МВД СССР, 1957. – С. 120.
22. *Игнатьев Д. Б.* Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2001. – С. 12 ; *Шишкин В. С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : МосУ МВД России, 2012. – С. 30.
23. Пример взят из личной следственной практики автора, проходившего службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).
24. *Белкин Р. С., Ливищ Е. М.* Указ. соч. – С. 78.